

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

СЛЕЗА
ВАСИЛИСКА

Екатерина Шитова
Слеза Василиска

«Автор»

2024

Шитова Е.

Слеза Василиска / Е. Шитова — «Автор», 2024

Размеренная жизнь санитаря морга Антона заканчивается, когда он влюбляется в загадочную девушку Жанну. Но их едва начавшиеся отношения внезапно обрываются. Жанна исчезает, а потом её тело привозят в морг. Антон не может смириться с тем, что его возлюбленная мертва. И когда в морге появляется женщина, как две капли воды похожая на нее, Антон узнает, что жизнь Жанны была полна загадок. Вот только он даже не подозревает, что с ним произойдет, если он решится разгадать их все. Ведь порой люди скрывают такое, о чем другим лучше не знать... Мистическая и местами жуткая история о любви.

© Шитова Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Екатерина Шитова

Слеза Василиска

Глава 1

– Ты очень милый! И странный! – она пьяно хихикнула и коснулась теплыми пальцами моей щеки, – Знаешь, мне даже нравится твой полосатый шарф и эти нелепые круглые очки. Как взрослый Гарри Поттер, один в один!

Я улыбнулся и подлил вина в пустой бокал. Она взяла его за тонкую ножку, отпила несколько глотков, а после откинулась на спинку стула. Ее губы с остатками красной помады по краям, приоткрылись, и она игриво облизнула их кончиком языка. Мутный взгляд остановился на мне. Я смутился и отвёл глаза. В маленькой кафешке с липкими столами, все уже было украшено к новому году – блестящая мишура свисала с потолка длинными спутанными нитями, по стенам болтались разноцветные шары. Странно, ещё ведь только ноябрь. Хотя в нашем захудалом северном городишке ноябрь – это уже настоящая зима.

– Я хочу тебя. Поехали ко мне?

Это прозвучало слегка комично, язык у неё уже сильно заплетался. От нее пахло вином, вишней и, едва уловимо, сладким женским потом. Я почти ничего не знал о ней, кроме того, что она не местная, переехала в наш город совсем недавно и устроилась работать в библиотеку. Там-то мы с ней и познакомились. Да, еще не перевелись на земле люди, читающие бумажные книги, я один из них. Свою домашнюю библиотеку, доставшуюся в наследство от бабушки, я уже зачитал до дыр, поэтому с недавних пор ходил в городскую и считался там активным читателем. Библиотекарши уже давно боролись за мое внимание, но одна из них была пенсионеркой, а другая состояла в несчастливом, но крепком (по причине наличия троих детей) браке. Поэтому у них обеих не было шанса перед внезапно появившейся новенькой молодой и одинокой соперницей, которая сразу же согласилась пойти со мной на свидание, от которого я не ожидал ничего интересного.

– Боже мой, какой ты милый, Антоша. Улыбайся!

Она взяла со стола телефон, включила камеру и прижалась лицом к моей щеке. Я неловко поправил очки и натянуто улыбнулся. Мне не нравилось фотографироваться, я всегда глупо выходил на снимках. Но с малознакомой пьяной женщиной лучше не спорить.

– Если честно, еда тут паршивая, – проговорила она, засовывая телефон в малюсенькую сумочку.

Потом она повязала на шею шёлковый шарфик, накинула на плечи искусственную шубейку леопардовой расцветки, схватила мою руку своей горячей, слегка влажной ладонью и потащила к выходу. Я на ходу бросил на столик деньги за ужин, который и в самом деле, был отвратительным, и обнял свою неуверенно шагающую на высоких каблуках спутницу. Я опасался, что она упадет в снежную кашу, пока мы продвигаемся за угол бара – туда, где стояла моя серебристая девятка не первой свежести. Но обошлось без падений.

У машины она резко развернулась ко мне, опасно пошатнувшись, а потом впилась губами с остатками помады в мой рот. Поцелуй был долгим и страстным. От неё пахло вишней. Я гладил ладонями прямую спину, покрытую леопардовым мехом, а потом спустился ниже и положил руки на округлые бедра. Я весь вечер сидел в этом темном, пропахшем табаком кабаке, смотрел в забавное, какое-то слишком детское для тридцатилетней женщины, лицо и силился понять, нравится мне она или нет, но теперь, сжимая мягкие округлости в темноте зимнего вечера, я просто изнемогал от желания и думал, что, пожалуй, эта странная особа мне все-таки нравится. По-крайней мере, в темноте.

Поцелуи были отменные, прерываться не хотелось, но я вдруг вспомнил, что моя смена завтра начинается ровно в семь утра, а сейчас на часах уже почти полночь. Я не привык опаздывать и никогда не опаздывал. Чтобы не злоупотреблять завтра кофе, надо бы уже лечь спать. Я с трудом отстранился от жадных женских губ и произнес, тяжело дыша:

– Давай к тебе поедem в следующий раз, ладно? Мне завтра на работу рано вставать. Не думал, что так долго засидимся.

– О, да ты и серьезен, как Гарри Поттер! Этим ты меня еще сильнее заводишь! Я, как будто осуществляю свою детскую мечту! Ладно, давай прямо здесь! – взвизгнула она, расстигая молнию на моих джинсах.

Я судорожно вздохнул, пытаюсь перебороть желание, но потом все же открыл дверцу машины и повалил её на заднее сиденье, торопливо задирая подол синего атласного платья. На животе у нее была набита дурацкая татуировка – дракон с длинной шеей и пламенем, вырывающимся из раскрытой пасти. Наверное, она сделала её лет в семнадцать, чтобы сразить наповал какого-нибудь крутого, по ее мнению, парня, как это обычно бывает у девчонок. Ведь одно дело – отдать парню всю себя, и другое – всю себя и дракона впридачу. Теперь же эти цветные художества на теле взрослой женщины выглядели пошло и глупо. Но, как ни странно, меня этот дракон завел ещё сильнее. Наша с ней близость была неистовой, бешеной, даже удушающей – такой, какая бывает у людей после длительного воздержания. Она яростно целовала мою грудь и шею, а один раз даже укусила так, что я закричал, то ли от боли, то ли от наслаждения...

Позже, когда мы вместе курили на улице, ежась от холода, она, протрезвев, стыдливо проговорила:

– Ты только не думай обо мне плохо. Знаешь, я ведь, на самом деле, не такая... Не знаю, что на меня нашло!

Я хмыкнул в ответ, поправляя очки.

– Я тоже, на самом деле, не такой.

Она удивленно взглянула на меня, и я не смог сдержать улыбку.

– Обычно, я помню имена женщин, с которыми сплю. Твоего имени я, увы, не запомнил.

Сигарета дрогнула в ее руке, лицо напряглось. Она бросила окурок на землю, резко выпрямилась и быстро пошла прочь от машины. Ни разу даже не пошатнулась!

– Эй! Садись, я отвезу тебя домой, – крикнул я ей в спину.

Но она обернулась, просто подняла вверх руку и показала средний палец. Таким было наше с ней первое свидание.

На следующий день я пошёл на работу и даже не вспомнил о ней. Я вообще больше не собирался ей звонить, но она набрала меня сама спустя два дня. Я как раз только-только переоделся и вышел с работы, когда телефон пропиликал из кармана известную когда-то, в далеких двухтысячных, мелодию.

– Привет, это я, Жанна, – томно прошептала она мне в ухо.

– Какая еще Жанна? – удивленно спросил я, все еще пребывая мыслями в сегодняшнем дне.

После кратковременной заминки, томный шепот снова зазвучал в трубке.

– Та Жанна, имя которой ты не запомнил, – она немного помолчала в трубку, а потом добавила, грустно вздохнув, – Жанна из библиотеки. Ну, вспомнил?

Я хмыкнул, а потом рассмеялся. Вот что она во мне нашла? Вроде бы такая эффектная, страстная, фигура – просто улет. На кой ей сдался я – странный, тощий очкарик, повернутый на своей работе? Но, любовь – та еще химия, попробуй в ней разберись! Это чувство уж точно не про внешность и не про характер. Поэтому, когда я услышал фразу “я соскучилась”, то даже не удивился. Наоборот, мое тщеславие взыграло, и я довольно улыбнулся.

– Диктуй адрес, Жанна, сейчас подъеду. Но с одним условием!

– С каким? – радостно спросила она.

– С тебя ужин. Сто лет не ужинал нормально, домашней едой. Питаюсь, как истинный холостяк, вермишелью из пакетов.

От этих слов мне страшно захотелось есть, желудок требовательно заурчал, напоминая, что сегодня я заливал в него лишь лошадиные дозы кофе. Так уж получилось, что пообедать не довелось, слишком много работы навалилось.

– Извини, я плохо готовлю, – вздохнув, проговорила она, – Боже мой, чем же тебя накормить? Вареники со сметаной устроят? Если нет, могу сбежать до магазина, пока ты едешь...

– Устроят, – ответил я, пытаюсь не выдать разочарования.

Она продиктовала адрес, от волнения забыв номер дома, и, поцеловав меня в телефон, сбросила вызов. Немного подумав, я подписал её в телефонной книге “Жанна Дракон”. Ну а как ещё её было записывать?

По пути к ее дому я остановился у цветочного ларька и, ради приличия, купил тощий букетик нежно-розового цвета. Потом зашёл в супермаркет за вином и шоколадкой. И наконец, добрался до нее.

Она жила в зачуханной двухэтажке в центре города. Я остановился у подъезда, чтобы выкурить сигарету и посмотреть, как в свете тусклого фонаря на землю падает снег. Стены в подъезде были обшарпанными, потолки – в грязных узорчатых разводах, полы тысячу лет не мыты. Но на грязных подоконниках с облупившейся краской стояли горшки с пышно цветущей геранью самых разных оттенков, и это выглядело странно, как сошедший с книжных страниц живой пример оксюморона.

Жанна встретила меня в коротком шёлковом халатике. Огненно-рыжие волосы – в высоком пучке, на ногах – сетчатые чулки, губы улыбаются красной помадой. Все это сочетание деталей было странным для меня, но выглядело очень эротично. Поэтому, несмотря на то, что я был голоден, как волк, мне пришлось стянуть с неё этот халатик прямо в прихожей. Огнедышащий дракон на животе снова уставился на меня глазами, полными ярости и страсти...

Лишь спустя четверть часа я, наконец, добрался до кухни. Вареники были так себе, но Жанна так преданно заглядывала мне в глаза, пока я их ел, что пришлось соврать, что они очень вкусные. Иногда вранье полезно, оно сглаживает острые углы в общении.

Спал я той ночью плохо. Диван у Жанны был старый, неровный и скрипучий. Я все время просыпался, думая что случайно задремал на кушетке на работе в ночную смену. Когда Жанна обнимала меня, то от прикосновения её длинных волос у меня страшно чесалась спина. Под утро мне страшно захотелось домой. Я встал, оделся, немного постоял у окна, глядя на порхающий мимо окон снег, и уехал. Жанну я будить не стал, я даже не взглянул на нее перед уходом. Спящие женщины далеко не всегда прекрасны.

Я поймал себя на мыслях о ней примерно через неделю после той ночи. Как? На работе увидел рыжеволосую девушку, и понял, что выискиваю в ее лице черты Жанны. Это показалось мне странным! А потом несколько раз она померещилась мне на улице. Я два дня подряд приходил в библиотеку, чтобы увидеть ее, но вместо нее там были либо пенсионерка, либо многодетная несчастная жена. И тогда я решил не сходить с ума и просто позвонил ей. В этот раз разговор начался с громких претензий с ее стороны.

– Кем ты себя возомнил? Кто ты такой, чтобы так поступать? Как ты смеешь звонить после того, как ушёл, даже не попрощавшись? – закричала она в трубку.

Я выслушал все ее претензии до единой, потом выждал многозначительную паузу, давая понять, что мне ужасно стыдно и нечего ответить, а потом произнес низким голосом, касаясь телефона губами:

– Я соскучился, Жанна. Я хочу тебя. Я хочу только тебя.

И это сработало. С женщинами это всегда работает. Она ответила моментально оттаявшим голосом:

– Я закажу еду из ресторана. В этот раз точно будет вкусно. Приедешь ко мне после работы?

– Приеду, – ответил я и снова довольно улыбнулся, сбросив вызов.

Без одежды она была красивее. Рыжие волосы, бледная кожа, тонкие руки, веснушки на плечах, впадинка на шее, острые холмики груди, плоский живот с аккуратным пупком и даже дракон под ним – в ту ночь я понял, что все это мне нравится, что все это мне необходимо. Не знаю, что это было – влюблённость, симпатия или просто зов плоти, но что-то притягивало меня к этой худой рыжеволосой девице с ярко-синими глазами. Все-таки иногда люди включают какие-то внутренние магниты, которые тянут и тянут к себе других людей. Жанна совершенно неожиданно стала для меня таким магнитом.

Без одежды, с бледными губами, без чёрных стрелок, очерчивающих глаза и меняющих их выражение, она казалась нежной, хрупкой, ранимой. Я целовал кончики её длинных пальцев, ее узкие ступни, ее прекрасные волосы и обещал, что больше не пропаду.

– Ты чего такой нежный сегодня? Мы что, встречаемся? – тихо спросила она.

– Да, – тут же ответил я, – ты теперь только моя, а я только твой.

Она прижалась ко мне, и я кожей ощутил, как её губы растянулись в широкой улыбке.

– Не обидишься, если я скажу тебе правду? – спросил я.

Жанна насторожилась и осторожно кивнула головой.

– Тебе лучше без косметики. Ты без неё настоящая. Обещай, что выбросишь эту жуткую красную помаду.

– Эй! – воскликнула она, пытаясь изобразить обиду, – вообще-то это мой любимый оттенок!

Я повернулся и накрыл её бледные губы страстным поцелуем.

Жанна только казалась весёлой и беззаботной, на самом деле, она носила в своей душе бесконечное одиночество. По крайней мере я ощутил именно это, когда она рассказала о себе. По ее словам ей не везло с мужчинами. Она жила с матерью, а когда та умерла, Жанна превратилась в маленькую, до смерти напуганную тридцатилетнюю девочку, которой было нужно лишь одно – чтобы с ней рядом кто-то был, чтобы хоть кто-то подсказывал ей, что делать вместо матери. Она стала ходить по барам, знакомиться с мужчинами и менять партнёров одного за другим, в надежде найти среди них того самого – сильного и надёжного, кто защитит ее от всего на свете.

Мужчину своей мечты она так и не нашла, зато осмелилась быть собой. Как-то вечером, выпив бутылку вина, Жанна выбросила все свои пиджаки и рубашки в полосу, которые так любила её мама. Вместо них она повесила в шкаф одно-единственное обтягивающее леопардовое платье, о котором всегда мечтала. А на следующий день Жанна пошла в тату-салон и набила на животе дракона. Да, оказывается, дракон был вовсе не десятилетней давности, а совсем свежий, едва вылупившийся из засохших корочек повреждённой кожи, так сказать. Такую историю я услышал от нее в одну из наших встреч.

– Почему именно дракон? – с улыбкой спросил я.

– Ну... Он сильный. Он защитит меня от зла.

Это прозвучало слишком киношно, слишком пафосно, я не выдержал и рассмеялся. И зря. Жанна обиженно надула губы, накинула на голые плечи свой лёгкий халатик и вышла на балкон. У меня своего халата не было, поэтому я закутался в одеяло, сунул ноги в меховые тапки Жанны и вышел следом за ней. Вид со второго этажа ее дома ничуть не впечатлял – перед глазами был всего лишь маленький двор, утонувший в снежной каше, и такой же двухэтажный

дом-близнец с обшарпанными жёлтыми стенами. Жанна курила, глядя вдаль, лицо её было напряженным и злым.

– Не обижайся, просто я с романтикой совсем не дружу, – сказал я, сжимая сигарету в зубах, – у меня работа такая, не до романтики.

– Где ты работаешь? – с любопытством спросила Жанна.

– Боюсь, если я расскажу, ты меня бросишь! А я этого не вынесу! – улыбнувшись, ответил я.

– Я тебе всю душу свою открыла, а ты... Сплошные шуточки и тайны!

– Как-нибудь потом расскажу, дай побыть для тебя загадкой, – с улыбкой сказал я.

Она бросила на меня уничтожающий взгляд и отвернулась. Балкон был не застеклен, ей было холодно стоять в этом коротком, тонком халатике. Я распахнул одеяло и сказал:

– Приглашаю тебя с твоим драконом погреться в мой уютный шалаш и оценить глубину моего искреннего раскаяния!

– Отстань! – обиженно ответила она.

– Я люблю тебя, Жанна. Пока для тебя должно быть важно только это. Поверь, совсем скоро мы будем знать друг о друге все, и это будет уже не так интересно, как теперь.

Она внимательно посмотрела на меня, немного потопталась на месте, а потом потушила сигарету о край стеклянной пепельницы и обняла меня. Я запахнул одеяло, и мы стояли так, обнявшись, греясь нашим общим теплом и целуясь страстно и неистово, как подростки.

– Скоро новый год, – прошептала она.

– Угу, – я уткнулся в ее теплую шею.

– Переезжай уже ко мне? Отметим вместе!

Она посмотрела мне в глаза, лицо её стало серьёзным и внимательным.

– Переезжай ко мне, пожалуйста! Я с ума схожу от одиночества. Мне уже по ночам мерещится всякое!

– Привидения? – улыбнулся я.

– Хуже, – серьёзно ответила она.

Я знал, что она нуждается во мне, но мне не хотелось терять свободу и связывать себя узами сожительства. Но вслух я сказал:

– Без проблем, перееду! Только давай купим новый диван! Твой просто ужасен!

Через неделю мы купили диван. Но старый Жанна выкинуть отказалась. Я арендовал газель, и мы повезли его за город. Жанна как будто нервничала, пока мы ехали, но всячески пыталась скрыть это. У городской свалки Жанна махнула рукой водителю. Он повернул и остановился. Тут стоял особый запах – густой, тяжелый и гнилой. Запах затхлости, ненужного хлама, старых, слежавшихся вещей.

– Все-таки решила выбросить? – усмехнулся я, глядя на потертую, выцветшую обивку дивана.

– Нет, конечно! Васе отдадим, – ответила она.

– Какому еще Васе? – удивленно переспросил я.

Но Жанна не ответила, покачала головой, сощурилась и помахала кому-то рукой.

Из маленькой сторожки вышел неопрятный мужчина высокого роста, больше похожий на бомжа, чем на охранника свалки. У него были растрепанные волосы и злой, пронизывающий насквозь взгляд. Он вышел в одной дырявой футболке и на его мускулистых руках и толстой, как у быка, шее были видны татуировки в виде каких-то странных полукруглых узоров. Казалось, все его тело было покрыто ими.

– Жанна, кто это? – тихо спросил я.

– Это Вася, – улыбнулась она.

Мне стало не по себе. Я вообще не люблю сюрпризы и загадки. Люблю, когда все ясно и понятно. Видимо, этот мужик тоже не любил сюрпризы, потому что, увидев незваных гостей, он нахмурился.

– Кого тут еще принесло? Чего надо? – буркнул он, глядя на нас.

– Это я! Не узнал?

Жанна убрала с лица шарф, подбежала к мужчине и крепко обняла его. Он сразу же изменился в лице, широко улыбнулся ей.

– Жанночка! Давненько тебя не было здесь. Не узнал... Похорошела!

Я был удивлен и то и дело бросал на Жанну подозрительные взгляды. Откуда она знает этого странного мужика? Кто он ей?

– Диван свой старый привезла. Тебе в сторожке пригодится. Он еще хороший, просто скрипучий. Еще конфет с орехами, твоих любимых, побольше купила, тебе в прошлый раз они понравились. Чай с имбирём взяла, зимой надо больше чая пить, чтоб не болеть. Ты чего это в одной футболке вышел?

Продолжение разговора я не услышал – водитель позвал меня выгружать диван. Мы донесли его до крыльца и кое-как затащили в узкие двери сторожки. Внутри было очень жарко, темно, мрачно и пахло табаком. Жанна скинула куртку и суетливо прибирала разбросанные по полу пустые бутылки, упаковки от чипсов и вермишели быстрого приготовления. Сразу было видно, что мужик – тоже живет один.

– Антоша, я сейчас мигом уберусь тут и поеду домой. Иди пока покури! – прошептала Жанна и снова улыбнулась.

Мне ничего не оставалось, как выйти на крыльцо и достать из камарана сигареты. Затянувшись, я услышал, как сзади скрипнула дверь – мужик тоже вышел на улицу и закурил за компанию. Помолчав с минуту, он повернулся ко мне и произнес:

– Ты ее береги. Она у меня умница.

– У тебя? А ты кто вообще такой, чтобы мне советы раздавать? Еще скажи, что ее бывший! – огрызнулся я.

В глазах мужика моментально вспыхнули искры, да такие жгучие, что я невольно сжал кулаки, готовясь к драке. Но он лишь хрипло усмехнулся и произнес в ответ:

– Я у нее не бывший, я у нее единственный!

Я не выдержал и с размаху ударил кулаком по его наглой роже.

– Кто-кто, а мусорный бомж мне точно не соперник! – сквозь зубы процедил я.

Он ударил меня в ответ, да так, что я кубарем скатился с высокого крыльца. Я выругался матом, поднялся на ноги, сплюнул кровь и пошел к машине. По пути домой я с Жанной не говорил. Очень-то мне нужно выпрашивать про ее бывшего! Но, когда мы, расплатившись с водителем, вышли из душной газели и пошли по скрипящему под ногами снегу к ее дому, она сказала, что этот мужчина со свалки изменил всю ее жизнь, поэтому он ей очень дорог, и она часто навещает его.

– Ты ведь не ревнуешь? – ласково спросила она.

– Нет,нисколько, – ответил я.

Я соврал. Ревность всю дорогу жгла мои внутренности, она разлилась во мне, словно кислота. Ужасное, отвратительное чувство, от которого, увы, нет спасения.

Мы встречались с Жанной уже больше месяца. Переезд я все еще оттягивал, но больше времени проводил у неё, а не у себя. Новый год мы планировали отмечать вместе.

Я все сильнее влюблялся в неё, все острее ощущал свою зависимость от этой маленькой, хрупкой на вид девушки в ярких, подчас откровенно пошлых нарядах. Любовь с первого взгляда не идёт ни в какое сравнение с чувством, рождающимся в душе от маленького зерна

сомнений и растущего постепенно, с каждой новой встречей, с каждой новой улыбкой, с каждым поцелуем. Я полюбил Жанну, полюбил по-настоящему: крепко и надолго.

Наша страсть росла и кипела. Мы занимались любовью дома, в машине, в туалете замызганной кафешки, в подъезде и даже на улице, под покровом ночи. Моя страсть становилась все сильнее. Едва я видел Жанну, я хотел обладать ею здесь и сейчас. Когда я был на работе, я называл ей каждую свободную минуту. Контакт “Жанна Дракон” вскоре был переименован в “любимая”.

Она словно околдовала меня. Моё чувство выросло словно цветок и распустило свой прекрасный, благоухающий бутон. И вот, когда все вокруг Жанна заполнила собой, когда я стал засыпать с её именем на губах, а мысли о ней были первыми, посещающими мою голову по утрам, когда я начал чувствовать приятное напряжение в теле от одного звука её голоса, и главное, – когда я начал отчетливо видеть наше с ней совместное будущее, тогда она вдруг исчезла.

Жанна исчезла. Пропала. Как будто растворилась в воздухе.

Её не было около недели. До этого мы с ней слегка повздорили из-за какой-то ерунды. Обычное дело! Сначала я решил, что она обижается. Я целые сутки ей не звонил, ожидая, что обида рассосется сама собой. Но она все не звонила, и я не выдержал, решил все выяснить, поговорить. Она не отвечала на звонки, не отпирала мне входную дверь и вообще, судя по всему, не появлялась в своей квартире. Её не видели ни соседи, ни даже две вездесущие бабки, вечно снующие туда-сюда по подъезду. Она словно испарилась! Я обрывал телефон, не мог ни есть, ни спать, строил тысячи предположений о том, что могло случиться с Жанной и где мне теперь ее искать.

А потом она появилась. Это случилось в канун нового года, я в тот день был на смене. Так вышло, что оба мои сменщика слегли больные, и мне теперь предстояло “жить” на работе в прямом смысле слова. Я сидел на диване в ординаторской, ел орехи и смотрел телевизор, когда Гришка, санитар труповозки, заглянул в дверь и прокричал зычным басом:

– Антоха, братан! Ты вроде говорил мне когда-то, что скучно живешь в своем морге? Принимай для нескучной жизни неопознанную бабенку! Нашли на улице, лежала на снегу в одном платье.

Глава 2

Обычно, я никому не рассказывал о своей работе, особенно новоиспеченным подружкам. Какая девушка захочет идти на свидание с санитаром морга? Это даже звучит как-то нелепо. С приятелями тоже особо не делился. Да у меня и не было приятелей. Просто в любой компании от работников морга вечно ждут жутких баек о том, как покойники в морге встают и ходят, точно живые. Люди любят острые ощущения (только если они не касаются их самих). Рассказчик из меня, надо заметить, никудышный. В компании я всегда больше слушаю, чем говорю. Поэтому травить байки про покойников – нет, это не по моей части. Я не клоун и работу свою люблю и уважаю.

В морге спокойно и тихо, мертвые – не живые, они не капризны, не вредны, не приста- вучи, как некоторые живые. Они просто лежат и ждут, готовятся к своей последней дороге. Дороге на кладбище. Морг – это такой перевалочный пункт между домом и могилой. И нет, никаких призраков здесь нет и быть не может. Поверьте мне на слово, иногда я неделями не выхожу отсюда, у меня весьма ненадежные сменщики. Так что, если бы и был здесь хоть один призрак, я бы точно увидел его.

И вообще, мне кажется, если призраки и существуют, то они нарочно избегают морги. Появляются где угодно, но только не здесь. Кому понравится смотреть на себя голого, синего (или даже, чёрного), иногда гнилого, иногда в совершенно неподобающем виде: с переломан- ными костями, головой, больше похожей на раздавленную лепешку, без рук или без ног. Кому понравится наблюдать за тем, как при вскрытии из твоего тела врач безжалостно вынимает все внутренние органы и небрежно (как покажется любому) кладет их на поддон?

После тщательного осмотра, кстати, все вынутые органы хаотично сбрасываются обратно в брюшную полость, включая порезанный на куски, головной мозг. Кому захочется знать, что теперь его пустая голова набита ветошью, а сердце лежит где-то в районе почек? Нет, если какой-то призрак такое увидит, то он просто сойдет с ума. А я вот вижу это почти каждое дежурство, и к смерти отношусь спокойно, как к своей давней знакомой. Вот уже десять лет мы с ней идем рука об руку. Ничего сверхъестественного в ней нет.

Санитаром я начал работать в большом, городском морге. Удивительно, но городская суэта просачивается даже в мир мёртвых. Трупов в большом городе много, работы тоже много, ну и сотрудников здесь, соответственно, хоть отбавляй. Попробуй, сработайся со всеми. Я человек спокойный, но не слишком общительный, предпочитаю тишину и одиночество, а там у нас музыка гремела на все помещение, иногда даже в зале прощаний было слышно. Вот такие весельчаки работают с трупами. Был там у нас один санитар, Саша. Так вот, он все шутил:

– Ну они-то померли, лежат. Все равно ничего не слышат. А мы что? Мы-то живые, и мы на работе. А какая работа без музычки?

И выворачивал на полную громкость приемник. Другие санитары его поддерживали, при- танцовывали в такт, а меня музыка раздражала. Вот тогда я научился работать с телом очень быстро: вскрывать, зашивать после осмотра патологоанатома, мыть, одевать и гримировать.

Когда мне предложили занять место главного санитаря морга в маленьком, спокойном северном городке, я не раздумывая согласился. Вот где я обрел работу мечты и долгожданный покой. Меня ничуть не смущало, что помещение морга, где мне предстояло работать, пребы- вало в плачевном состоянии – с потолков во время дождей капала вода, со стен сыпалась шту- катурка, в коридоре было темно и холодно, как в склепе. Ах да, еще крысы. У нас с ними шла целая война.

К тому же, у меня было всего два напарника-сменщика, не отличающихся особой ответ- ственностью, и единственный врач-патологоанатом Петрович – седой старик с красным, опух- шим от водки лицом, стабильно раз в две недели уходящий в глубокий запой.

– Как же вы тут без него трупы вскрываете? – с недоумением спросил я, когда впервые столкнулся с тем, что Петрович запил и не вышел на работу.

– Никак. Наугад пишем заключение, и все, – ухмыльнулся один из моих сменщиков.

– Так ведь это... – начал было я, но мне не дали договорить.

– Слушай, Антоша, так-то оно так, но тут тебе не Москва и не Питер, молодые специалисты в такой дыре работать не хотят. А Петрович, он у нас единственный и незаменимый, пусть и с небольшим изъязном. Да и трупов у нас бывает не так много. Совсем сложные или непонятные случаи все равно в область везут. Так что ты уж со своими порядками в наш морг не лезь, вот тогда сработаемся.

Я парень понятливый, так что с напарниками и с алкашом Петровичем мы быстро и хорошо сработались. Морг наш был хоть и древний, но как по мне – очень даже уютный, если, конечно, это слово уместно в описании.

К особенностям работы я тоже быстро привык. В маленькой приемке новоприбывшие трупы складывали на пол, я их раздевал, подписывал на правом бедре номер, клал на каталку и увозил в холодильник. Потом родственники приносили одежду для похорон, я клал пакет с вещами на живот покойника и, если не требовалось вскрытие, начинал готовить тело к похоронам.

Если же вмешательство Петровича все же требовалось, то к следующему утру я готовил труп к его приходу – делал разрез от ключицы до паха, вынимал органы, раскладывал их на столе. Если Петровичу в ходе осмотра этого было мало, и он не мог установить причину смерти, я принимался пилить череп. Эту часть вскрытия я любил больше всего – в ней чувствовалась важность, упорядоченность и размеренность. Не любил я все складывать обратно в брюшину, в этом уж чувствовался полный хаос, мертвое тело напоминало мне мешок, набитый не пойми чем. Я утешал себя лишь тем, что после того, как я обмою все следы вмешательства Петровича, одену и загримирую мертвеца, тогда он снова на какое-то, хоть и короткое время, станет похож на человека...

Мне прекрасно работалось здесь, в морге маленького северного городка. Днем я был занят, ночью крепко спал в ординаторской на кушетке. Жизнь моя была скучна и неинтересна, поэтому морг в какой-то момент стал для меня, одинокого холостяка, вторым домом.

Конечно, за десять лет работы, бывало всякое, не только хорошее. Были и разборки с родными по поводу убрания трупа, была и путаница с телами, были и проблемы с гниющими месяцами трупами, которые никто не забирал.

Также были и несколько таких случаев, которые я вспоминаю не то чтобы с содроганием, но уж точно с недоумением. Но такое бывает, пожалуй, на любой работе. Так называемые, неприятные моменты. Один из них – случай с мёртвым ребёнком, которого я нес на руках из детского отделения в морг. Так получилось, что машина скорой была занята и меня попросили его забрать, чтобы не пугать других детей.

– Он не весит почти ничего, на руках унесешь, – бодрым голосом сказала женщина-медсестра по телефону.

И я пошёл. Детская больница была недалеко – всего-то через березовую рощу надо пройти. У нас городишко маленький, до всего рукой подать. Пришёл я к задним дверям, и мне санитарки вынесли маленький кулек – там и ребёнка-то не видно было.

– Новорожденный что ли? – угрюмо буркнул я, не глядя на кулек.

– Две недели от роду, – грустным голосом проговорила медсестра, передавая мне бумаги для оформления тела.

Я неуклюже кивнул и пошёл назад, невольно прижимая к груди свою странную ношу. Дети у нас в морге были, но редко, и, признаться, на них было невыносимо смотреть. Все-таки смерть – она для стариков, а молодые и юные должны жить. Иначе как-то противоестественно все получается.

Может, я от отсутствия опыта тогда сильно перенервничал, но пока я нес кулек с мёртвым ребёнком через тёмную рощу, мне вдруг показалось, что он пошевелился. Сквозь одеяло я отчётливо почувствовал, как он закопошился внутри, зашерудил маленькими ручонками. Остановившись, я резко отогнул уголок одеяла, замер на секунду, а потом шумно сглотнул – в холодном лунном свете маленькое круглое личико светилось бледно-голубоватым светом. Глазки младенца были плотно закрыты, он был похож на фарфоровую куклу. Я положил уголок одеяла обратно на его лицо и быстро пошёл дальше. И тут снова у груди началось шевеление – то ли ручки, то ли ножки легонько толкали меня.

– Что за чертовщина? – пробубнил я.

Положив кулек прямо на землю, я быстро развернул одеяльце и непонимающе уставился на мертвое тельце. Это был мальчик. Он был крошечный и больше напоминал новорождённого котёнка, чем младенца. Я попытался прощупать пульс на тоненькой шейке, проверил дыхание. Он был мертв, сомнений не было. Тогда что со мной творится?

Внезапно в ночной тишине где-то в верхушках деревьев, заухала, захохотала сова. Я вздрогнул, наспех завернул одеяло, прижал к груди свою ношу и бегом побежал через рощу к моргу. Всю дорогу мне казалось, что ребёнок шерудит ручками внутри кулька, но я бежал и не останавливался больше. Только в морге я почувствовал себя в безопасности. Здесь было привычно тихо. В ту ночь я охранял покой всего-то трех трупов – двух стариков и молодого парня-утопленника. Я убрал одеяльце и положил на каталку тельце младенца. Смотрелся он тут нелепо и жутко, но жизнь складывается по-разному. У каждого свой отведенный срок на земле, с этим ничего не поделаешь.

– Не буянь тут, малой! – сказал я и, осмотрев мирно лежащие трупы, вышел из холодильной камеры.

Остаток ночи прошёл спокойно. Не знаю, что это такое было, но я до сих вспоминаю тот случай, если не со страхом, то с недоумением.

Ещё одна странная история, которая в свое время хорошенько выбила меня из колеи, произошла три года назад. Как-то летом работы совсем не было, в холодильнике лежали три трупа, уже подготовленные к завтрашним похоронам, все бумаги и отчетности были заполнены, и я курил на улице, подставив лицо теплему солнечному свету. Да, работники морга тоже любят солнце. Так вот, меня разморило и я, наверное, задремал. Проснулся от того, что какая-то незнакомая старушка толкает меня в бок.

– Кто здесь, добр молодец, усопших моет да одевает? – спросила старушка скрипучим голосом.

– Ну я, – плохо соображая спросонья, ответил я.

– Возьми-ка у меня куль с платьем. Наденешь на старуху.

– На какую старуху? – удивленно спросил я.

Я даже сонный помнил, что у меня в холодильнике никаких старух не было, только два старика да мужик-висельник, с черным языком которого я намучился с утра, и так, и эдак запихивая его обратно в рот.

– Ты пока спал, тебе старуху привезли. Иди-ка проверь.

Я окончательно проснулся и решил, что бабулька не иначе как чокнулась умом. Но мне все равно уже нужно было возвращаться на свое рабочее место, поэтому я поднялся с земли и пошел к длинному, на первый взгляд мрачному и унылому, зданию морга.

– Куль-то мой на-ка, возьми! – закричала старушка.

Я махнул рукой и нетерпеливо схватил из ее руки мешок с тряпьем. Если что, брошу в ветошь, будет потом, чем распиленные черепушки набивать.

– Для Евдокии Герасимовой! – прокричала старушка перед тем, как я скрылся в дверях.

Понятное дело, никакого нового тела на приемке не было, не могли его выгрузить без моего участия, да и не мог я проспать звучное тарактение нашей старой, как мир, труповозки. Бросив мешок на пол, я пошёл в ординаторскую, чтобы выпить воды, но тут вдруг услышал этот до боли знакомый звук. Я его узнал бы из миллиона подобных – это был отчаянно жужжащий мотор труповозки. В нашем городишке она была единственным транспортом для мертвых.

Я вышел на улицу, поздоровался с труповозом Гришей, славным, весёлым парнем, который вовсе не обижался на прозвище «труповоз».

– Старушку привез сегодня тебе, Антоха! Две недели в своей квартире пролежала, а сегодня вот сын её вышел, наконец, из запоя и решил навестить матушку. Да только поздно, матушка-то в мумию египетскую превратилась.

Гриша захохотал громко и раскатисто, я даже вздрогнул от звука его голоса.

– Представляешь, даже не пахнет! – удивленно воскликнул Гриша, когда мы перекладывали тело с носилок на пол.

Он ещё о чем-то болтал без умолку, но я его уже не слушал, погружившись в свои мысли. Старуха, которая умерла две недели назад была как две капли воды похожа на ту, что приходила к моргу за пару минут до приезда труповозки. Забрав документы, я даже не удивился, что имя покойной по паспорту было Евдокия Герасимова. Не удивился, но мурашки по спине все равно пробежали. Освободив мёртвое тело от одежды, я подписал на тонкой, прозрачной, словно бумага, коже, номер, а потом аккуратно положил на обвисшую грудь умершей пакет с одеждой.

– Не переживай, бабуся, завтра одену тебя честь по чести, – сказал я и зачем-то положил свою ладонь на высохшую руку старухи. Сын, кстати, соизволил забрать тело матери из морга только спустя неделю.

Единственное, к чему я так и не привык, работая в морге, – запах. Поначалу он был для меня просто невыносим, потом стал более-менее сносным, но все равно вызывал отвращение до комка в горле. Мои напарники, отработавшие в морге по тридцать лет, говорили, что запаха уже совсем не чувствуют – формальдегид со временем разъел все рецепторы в носу. А у меня пока что не было ни одной смены, чтобы я не чувствовал трупного духа, который мы, как могли, глушили формалином. Закончив смену, я каждый раз мылся в душе по полчаса, с остервенением тер губкой тело, и все равно мне казалось, что запах гнили исходит от меня самого.

Но сейчас я стал гораздо терпимее относиться к запаху. Или, может, мои обонятельные рецепторы уже тоже начали потихоньку отмирать и следующий этап – полная утрата нюха? Но даже это не мешало мне любить свою работу. Готовя покойников в их последний путь, я чувствовал свою важность и значимость. Родные умерших, обычно, были полны уважения ко мне, совали в карман моего фартука то гостиницы, то деньги. В ответ я старался всегда исполнять их просьбы – клал в гроб личные вещи покойного, украшения, игрушки, сигареты и даже алкоголь. Почему-то люди думают, что покойник не сможет уйти, если с ним не будет его любимой вещи. Честно говоря, странная традиция, но я не спорил с близкими и прилежно клал золотые браслеты, блоки сигарет или бутылки водки в гроб. Желание скорбящих – закон, особенно если оно подкреплено деньгами.

Правда, один раз у меня произошла серьёзная стычка с состоятельными отцом девочки-цыганки, которая скончалась после продолжительной болезни. Он принёс ей в качестве последнего одеяния взрослое свадебное платье. Высохшая от мучительной болезни восьмилетняя девочка в пышных белых оборках и рюшах, с фатой на лице, выглядела нелепо и жутко. Я не побоялся, сказал об этом главе семейства, несмотря на то, что в нашем городишке он имел вес и был влиятельным человеком. Цыган же дал мне кулаком в глаз, после чего молча забрал гроб с девочкой-невестой. На следующий день меня вызвали к начальству и чуть было не уволили. Хорошо, что обошлось. Город маленький, работать некому. И в отличие от моих сменщиков, я не уходил в запой и не брал липовые больничные по три раза в год. Все-таки репутация, она

и в морге репутация. В моем случае она была идеальная. Все знали, что если нужно, я могу жить в морге

Когда привезли Жанну, это и произошло. Оба напарника взяли больничные, чтобы спокойно провести новогоднюю ночь и последующие дни дома. Для меня же это значило, что ближайшую неделю я должен буду провести на работе. Первую ночь я чудесно выспался в ординаторской, а на вторую ночь труповоз Гриша привез мне Жанну, и вся моя спокойная работа (и жизнь тоже!) перевернулись с ног на голову...

Глава 3

Я смотрел на Жанну долго и никак не мог поверить в то, что это действительно она. Точнее, я прекрасно видел, что это она – лицо ее, прикрытое черным пакетом, было таким же красивым и спокойным, как при жизни. Складывалось обманчивое ощущение, что она просто уснула. В холодильнике было тихо, слишком тихо. Я слышал, как бьётся моё сердце. Оно стучало не в груди, а где-то в горле. Мне хотелось закричать от боли, но я не мог нарушить эту особую, мёртвую тишину.

Я был на работе и не мог нарушить этот порядок, который всегда успокаивал меня. Поэтому я напряг кулаки, сжал зубы и смотрел на неподвижное тело, которое только что освободил от одежды. На Жанне было надето то легкомысленное леопардовое платьице, которое всегда раздражало меня, поэтому я с каким-то озлобленным остервенением раскромсал его ножницами в клочья. Итак, её нашли на улице. Смерть, якобы, наступила, несколько часов назад, причина смерти не установлена, но это точно не обморожение. Так “на глаз” заключил Петрович, мельком взглянув на тело, лежащее на секционном столе.

– Ты даже толком не взглянул на неё! Может, её убили? Скорее всего, так и есть! – возмутился я.

– Это почему ж не взглянул! Да я все цвета ее татуировки рассмотрел! Видал, какой у нее дракон на пузе? Не простая видать, девчонка.

– С чего ты взял? – насупившись спросил я.

Старый патологоанатом усмехнулся, его впалые щеки, покрытые жесткой, трехдневной щетиной, затряслись.

– Простые девчонки такие художества на себе не носят. Тут сразу видно, что в этой рыжеволосой головке было много ненужных мыслей.

Я кивнул, соглашаясь с ним и посмотрел на плоский живот Жанны. Дракон на бледной коже, завитки на лобке, округлые бедра... Мне вдруг стало неприятно, что ее обнаженное тело рассматривает старый алкаш Петрович, пусть он и врач. Но я ничего не сказал ему о том, что мы с Жанной были знакомы. Мне не хотелось, чтобы кто-то здесь об этом знал. Невыносимо будет работать, если все мне начнут выражать сочувствие. Я лучше в одиночестве свою боль выстрадаю, чем делить ее с кем-то.

– Следов насильственной смерти нет, это и невооружённым глазом видно, – развёл руками старик, – Все остальное потом. Извиняй, Антоша, моя смена закончилась несколько часов назад. Тебе просто повезло, что мы с Андреем Михайловичем засиделись в его кабинете. Так сказать, поздравили друг друга с наступающим. В нашей жизни новых годов будет – раз, два и обчелся, Антоша, мы уже старики... Вот только как вы тут, молодежь, без нас потом будете справляться?

Я нервно пожал плечами. Петрович грустно вздохнул, оперся обеими руками о стол, на котором лежало тело Жанны. Но увидев мой беспокойный взгляд, старик выпрямился и улыбнулся.

– Да не дергайся ты! Вскроем, не переживай! Но точно не завтра, – проговорил Петрович, глядя на меня пьяными глазками, – так что, оставляй эту красавицу, как есть, в следующем году. Не убежит же она из холодильника! Тем более, никто ее не ищет.

– Как же её оставлять? Долго ведь ждать-то, – растерянно промямлил я, – может быть и ищут ее, тебе почем знать?

Петрович со всей силы хлопнул меня по плечу.

– Эх, Антошка, любишь ты позанудствовать! Хороший ты парень, но уж больно ответственный! Не накаляй обстановку перед праздником. Хоть будет тебе с кем новый год встретить! – старик громко засмеялся, – А то обычно перед новым годом никто не мрет у нас, все

боятся праздник родным испортить. Так что вечно у нас санитары новый год в одиночестве празднуют. А у тебя вон и компания уже есть!

Петрович захохотал еще громче, а мне вдруг стало так грустно от его неуместного черного юмора, что к глазам подступили жгучие слезы. Мы с Жанной хотели встретить новый год вместе. И вот, встретим его вместе... Какая злая ирония.

Петрович ушёл, на прощание от души поздравив меня с наступающим, и я долго смотрел, как он удаляется все дальше и дальше от морга нетвердой походкой. Торопиться мне все равно было некуда. А потом снег пошёл такими крупными хлопьями, что за окном ординаторской все слилось в сплошное белое, пушистое месиво, которое заполнило собой весь мир...

Позже, собравшись с духом, я снял с головы Жанны черный пакет. Труповоз Гриша надевал пакет на голову всем своим «пассажирам», чтобы ничего не вытекло из носа и ушей, пока он вёз тела в морг. Всякое бывает. Вот только на Жанне этот плотный, грубый полиэтилен, выглядел безобразно и кошунственно. Хотелось скорей освободить её от него. Пусть лежит без него. Правая рука её вдруг резко дернулась, и я вздрогнул, даже отскочил в сторону от стола, хотя не раз видел такие посмертные шевеления, они были вполне естественным процессом. Но теперь это едва заметное движение руки породило в моей страдающей душе нелепую, призрачную надежду. Я подошел к Жанне и склонился над её лицом.

Она была очень бледной, кожа светилась белизной, глаза были широко раскрыты. Казалось, Жанна внимательно смотрит в потолок. Этот ясный, незатянутый мутной пеленой взгляд синих глаз насторожил меня. На ее теле не был ни следов обморожения, ни трупных пятен. Кожа была идеально ровная и белая, как будто фарфоровая. Я не мог отделаться, от мысли, что она не мертва, что это ошибка, что сейчас она моргнет или улыбнется мне. Я проверил дыхание, пощупал пульс и судорожно вздохнул. Нет, признаков жизни нет.

И тут на меня обрушились чувства, которые я сдерживал все это время. Я запрокинул голову и закричал, что есть сил.

– Аaaa! Аaaa!

Жгучие слезы разъели солью веки, хлынули из глаз, покатались по щекам и запутались в многодневной щетине. Минут десять я рыдал над той, которую уже успел так сильно полюбить. Она сейчас была необходима мне, вечно одинокому, потерянному. Она была мне нужна, как воздух, как главный жизненный ориентир. Но ее больше нет. Жанна мертва...

Я заставил себя успокоиться, закрыл ей веки и накрыл тело белой простыней. Мы не практиковали такое в морге, и простыня была моя личная, я принёс ее из ординаторской. Жанна была не просто трупом, она была моей умершей возлюбленной, я не мог просто так закатить ее в холодильник и оставить там голую. Простыня – та малая часть заботы, которую я мог еще для нее сделать.

Примета Петровича о том, что перед новогодней ночью “никто не мрет” оказалась полной ерундой. Потому что скоро Гриша-труповоз привез мне еще одного гостя на “новогоднее застолье”. Окоченевшее тело лежало на каталке в странной, скрюченной позе. Тут сразу все было ясно – смерть наступила в результате переохлаждения. Иными словами, мужик напился и не дошел до дома – уснул в сугробе. Таких “подснежников” за зиму в нашем промерзшем насквозь городишке бывает до двадцати штук. А если морозы стоят затяжные, то можно и вовсе со счета сбиться. В основном, замерзают мужчины в состоянии алкогольного опьянения. Пьют у нас много. Как-то Петрович пошутил, что это так нехватка солнечного света сказывается на людях. Думаю, в этом есть доля правды.

Освободив труп замерзшего мужчины от одежды, я подписал на бедре номер и покатил каталку к холодильнику. Открыв дверь и включив свет, я увидел, что простыня валяется на полу возле каталки Жанны.

“Странно! Неужели опять крысы?” – подумал я. С крысами в морге мы боролись постоянно, даже пробовали заводить котов, но котам с мертвыми жить не нравится, они отсюда быстро сбегают в поисках лучшей жизни. Честно говоря, я не знаю, с чем это связано. Напарники утверждают, что они тут чувствуют духов, но я в это не верю, я уже рассказывал свою точку зрения насчет призраков. Скорее всего, мы их просто недостаточно хорошо кормили, надеясь на то, что они будут сыты пойманными крысами. Надо сказать, крысы здесь бегали такого размера, что я, впервые увидев одну из них, решил, что это такса. Вели они себя нагло – обгладывали лица и животы трупам, на санитаров шипели и даже норовили броситься. Крысы изрядно портили нашу спокойную жизнь. Если проеденный живот трупа не был виден под одеждой, то с лицом дело обстояло хуже, приходилось лепить съеденные участки из воска, который у нас и так был в дефиците.

Увидев сброшенную простыню, я решил, что крысы вернулись. А ведь буквально на днях мы раскладывали кругом сильнейшую отраву.

– Вот твари ненасытные! – прошипел я, – скоро ли вы все передохнете?

Я подошел к Жанне, поправил простыню и посмотрел в ее лицо. Глаза ее снова открылись. Она смотрела куда-то в пустоту задумчивым синим взглядом. Я положил ладонь на ее веки и легонько надавил, чтобы они больше не открывались.

– Спи, милая, спи.

Я наклонился к её лицу и коснулся, губами холодного лба. Слезы опять подступили очень близко. На этот раз они застряли где-то в горле. Я положил простыню Жанне на лицо и вышел из холодильника.

Ночь близилась к концу, но на улице все ещё царила тьма. Снег кончился. Надо бы одеться, взять лопату и разгрести сугробы, которые намело около входа в морг. Так я и сделал – накинул куртку и вышел на улицу. Свежий морозный воздух слегка опьянил меня. Я быстро раскидал снег и минут пятнадцать смотрел на звезды, которых в чёрном небе было видимо-невидимо. Может и вправду мы после смерти стремительно летим вверх и становимся звездами? Я работал со смертью десять лет, но ещё никогда она не казалась мне такой близкой и страшной, как сегодня.

В ординаторской на меня навалилась такая усталость, что я сел за стол и, положив голову на руки, закрыл глаза. Хотелось забыться и ни о чем не думать хотя бы на несколько минут, но перед глазами стояло красивое, бледное, мёртвое лицо Жанны. Как тут забудешься! Сна не было ни в одном глазу.

Я тяжело вздохнул и открыл журнал учёта, чтобы внести туда записи о двух новых трупах. И тут вдруг из холодильника послышался шум – как будто что-то с грохотом упало на кафельный пол. Я соскочил со стула, нервно взъерошил волосы, протёр кулаками глаза и быстрым шагом пошёл в сторону холодильника.

– Совсем уже страх потеряли! – ворчал я на ходу себе под нос, имея в виду крыс.

У двери я замер на мгновение, не знаю почему. Просто взялся за ручку и прислушался. Показалось, что я здесь не один, и за дверью кто-то ходит. “Ой да, ну что за чертовщина в моей башке сегодня? Кто может ходить в холодильнике? Не трупы же!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.